

От автора «Майнкрафт: авария»

ТРЕЙСИ БАТИСТ

Джамби духи леса

Трейси Батист

Джамби, духи леса

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51835880>

Джамби, духи леса / Трейси Батист.: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-118545-9

Аннотация

<p>Коринн Ла Мер ничего не боится. Ни скорпионов, ни вредных мальчишек, ни джамби. Духи леса – это просто выдумка, чтобы пугать детей. Но однажды вечером Коринн забирается в чащу махагонового леса – самого древнего и дикого на острове. А на следующий день в деревне появляется подозрительная женщина: неземная красавица со странными глазами. Все поражены таинственной незнакомкой. Одна лишь Коринн чувствует: с ней что-то не так. И когда красотка внезапно является домой к Коринн, девочка понимает, что всем жителям острова грозит страшная опасность.</p>

Содержание

1. Лес	6
2. Кладбище	12
3. Сестра	19
4. Базарный день	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Трейси Батист

Джамби, духи леса

Моим детям, Алише и Адаму, без которых эта книга была бы закончена еще несколько лет назад

И всем детям (не важно, какого возраста), живущим на Карибах

Видите? У вас тоже есть сказки

Tracey Baptiste
JUMBIES

Печатается с разрешения издательства Book Crossing Borders, Inc. и литературных агентств The Jennifer Di Chiara Literary Agency и Nova Littera SIA

Перевод с английского языка: *Марк Полещук*

© 2015 by Tracey Baptiste

© Полещук М. Б., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

1. Лес

Пока Коринн Ла Мер бежала через лес, ее сердце билось, словно обезумевший барабан. Голые ноги вязли в палой листве, спотыкались о торчащие узловатые корни. Она изо всех сил напрягала зрение, чтобы не потерять в пятнах солнечного света маленького пушистого агути, который со всех ног удирал от нее. Время от времени лучи вспыхивали на гладкой поверхности камешка, привязанного к задней ноге животного. Камешек служил для Коринн чем-то вроде маяка. Подобравшись достаточно близко, она бросилась на агути и промахнулась, схватив лишь горстку земли. Коринн хмыкнула и отбросила грязь в сторону. Животное скрылось под кустом, и Коринн припала к влажной траве, чтобы последовать за ним. Юбка зацепилась за ветки, но девочка рванула ее, решив добраться до животного во что бы то ни стало. Существо под кустом прижалось к камням и корням большого дерева.

К одиннадцати годам Коринн выучила, что, когда дикому животному некуда бежать, оно может напасть. Потому она приостановилась.

– Я не причиню тебе вреда, – очень спокойно сказала девочка и подползла чуть ближе. – Мне просто нужна та штука на твоей ноге. Без нее ты сможешь бегать намного быстрее, и я не буду преследовать тебя... так...

Она осторожно подобралась к агути и медленно развязала шелковый шнурок. Всклобоченный мех зверька мелко дрожал, а сердце билось так же быстро, как и у нее. Коринн крепко сжала в кулаке кулон с камешком и выползла из-под куста.

Большим пальцем Коринн потеряла камень. За годы такого обращения на поверхности образовалось гладкое углубление прямо под ее палец. Кулон принадлежал ее маме, и, когда девочка опускала большой палец в выемку, она представляла, что вкладывает свою руку в мамину ладонь. Вернув себе кулон, Коринн с облегчением выдохнула. Но облегчение было недолгим.

Она не знала этой части леса. Здесь было темнее: ветки дерева махагони¹ были такими толстыми, что сквозь них едва пробивался дневной свет. Даже пахло здесь по-другому – деревом и влажной землей, – а Коринн привыкла к запаху моря. Она не представляла, в какую сторону ей идти.

Девочке показалось, что где-то между листьями она видит пару сияющих огоньков. Они располагались близко, как глаза. По коже побежали мурашки, но затем огоньки исчезли, и Коринн попыталась стряхнуть липкую паутину страха. Должно быть, это просто какое-то отражение.

«Не глупи», – пожурила она себя.

– Я прикончу этих мальчишек, – пробормотала девочка в тяжелый плотный воздух.

¹ *Махагони* – общее название для разных тропических пород деревьев с красной древесиной.

Двое желтобрюхих птиц сели на ветку над ее головой и заголосили:

– *Кис-ка-ди, кис-ка-ди!*

Что-то крошечное юркнуло в подлеске, слегка царапнув ее ногу. В животе у Коринн сжался тугой комок, холод от него начал расползаться по телу. Она слышала истории, которые рассказывали взрослые: об ужасных существах, живущих в потаенных уголках острова, под сенью древних деревьев махагони. О чудовищах с ногами на спине, о женщинах, способных сбрасывать кожу, и женщинах с копытами вместо стоп. И пускай папа каждый раз говорил ей, что это неправда, – должна же быть какая-то причина, по которой никто не заходит так глубоко в лес?

Коринн почувствовала дуновение ветерка на левой щеке. Она последовала за ним, как учил папа.

Через несколько минут деревья поредели. Сквозь ветви проникало куда больше света. Коринн вздохнула свободнее. Сердце замедлило бег. Но она продолжала торопливо шагать по неровной земле, подныривая под ветки, встречающиеся на пути. Вдруг за ее спиной зашуршали кусты. Девочка обернулась как раз вовремя, чтобы заметить какое-то движение в тени. Наверняка это просто животное. Но что, если там совсем другое существо? Существо из рассказов взрослых?

Джамби.

Волосы на руках у Коринн встали дыбом. Оборачиваясь, она стиснула мамин кулон. Под густым тенистым пологом

моргнули два желтых глаза. Коринн повернулась и побежала так быстро, как только могла. Тварь зарычала и бросилась вслед за ней.

Коринн сосредоточилась на том, куда ставит ногу. Она прорвалась через последнюю линию деревьев на грунтовую дорогу. Тут же ее схватила большая пара рук. Коринн сжалась, зажмурилась.

– От чего бежишь, Коринн? – спросил знакомый голос.

Она с облегчением открыла глаза.

– Ни от чего, папа, – сказала она, порывисто хватая ртом воздух и дрожа всем телом.

Пьер Ла Мер посмотрел дочери прямо в глаза.

– Что ты здесь делаешь?

Коринн посмотрела на дорогу. У пересохшего колодца стояли двое мальчишек в ободранной, грязной одежде и наблюдали за ними. Старший озорно улыбался. В руках он сжимал маленькую лягушку, подняв ее над черной дырой колодца. Лягушка сопротивлялась, но мальчишка держал крепко.

«Их следующая жертва», – подумала Коринн. Она позволила кулону выпасть из сжатого кулака и повиснуть в воздухе. Гладкая поверхность ярко заблестела в солнечных лучах. Улыбка медленно сползла с лица мальчишки. Младший не смог сдержать удивления, а затем ухмыльнулся. Брат сильно толкнул его локтем.

– Эти грязные мальчишки привязали мамин кулон к де-

теньшу агути и напугали его, чтобы бежал в лес. Я должна была вернуть его.

– Какие мальчишки? – оглянулся Пьер, но тех уже и след простыл. – Ты правда догнала агути в лесу и поймала его?

Он оглядел Коринн с ног до головы, вытащил несколько веточек и листочков, застрявших в косичках. И вдруг рассмеялся.

– Я вырастил охотницу! – Пьер поцеловал ее в обе щеки, но после стал очень серьезным. – Ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать, почему по лесу нельзя бегать. В кустах могут прятаться дикие животные, Коринн. Поэтому здесь никто не разгуливает просто так.

Коринн оглянулась на заросли и подумала о сияющих желтых глазах и твари, что преследовала ее.

Отец крепко-крепко ее обнял.

– Твое сердце бьется сильнее океанской волны. Что-то тебя напугало? Неужели джамби? – поддразнил он.

В объятиях отца, на ярком свету, Коринн только посмеялась над своим страхом. Она обняла его в ответ и сказала:

– Нет, папа.

– Конечно, нет. Моя девочка ничего не боится, да? – Подмигнув, Пьер стер с лица дочери полоску грязи. – Солнце садится. Пора навестить твою маму. Готова?

Коринн надела кулон и снова почувствовала, как камень коснулся ее сердца.

– Готова.

Вместе с отцом девочка направилась прочь, пока солнце медленно опускалось за горизонт.

Они не видели пары желтых глаз, вспыхнувших на краю леса. Чем темнее становилось, тем ярче они сияли. Глаза провожали идущих по дороге Коринн и Пьера, пока те не скрылись за поворотом. И как только солнце опустилось за верхушки деревьев, а лесные тени коснулись дороги, из зарослей вышли джамби.

2. Кладбище

Коринн и ее отец присоединились к десятку других людей, идущих к кладбищу. Такова традиция кануна Дня Всех Святых – почитать память умерших родственников. Многие люди на острове Коринн верили, что в ночь после Дня Всех Святых умершие обретают силу ходить среди живых. Некоторые говорили, что духи и джамби рыщут по округе, чтобы отомстить тем, кто причинил им зло. Из них жители острова сильнее всего боялись джамби. В историях, которые передавали из уст в уста, говорилось, что джамби живут среди людей, прячутся в тенях и терпеливо ждут подходящего момента, чтобы напасть, потому что они – чистейшее зло. Многие верили в них, но Пьер учил Коринн, что духи и джамби – ерунда. Поэтому, хотя некоторые дети жались к своим родителям, Коринн не боялась. Она проскочила вперед всех и затянула песню:

Ти-донг, ти-донг, ти-донг.

Жаба голос подает.

Лягушка скачет, скачет, скачет.

А жаба голос подает.

Несколько самых смелых детей присоединились к ней:

Ти-донг, ти-донг, ти-донг.

Жаба голос подает...

Когда процессия приблизилась к церкви, песня стихла. Дети вернулись к своим родителям, и Коринн почувствовала, как большая ладонь отца сомкнулась вокруг ее руки. Свежий морской воздух играл с его длинными заплетенными волосами, и резкий запах соленой воды доносился от влажных сандалий при каждом шаге. Кожа на ладони была теплой и грубой после многих лет работы в море, где он затаскивал в лодку сети, полные рыбы.

На вершине невысокого холма показалась старая каменная церковь. Коринн же смотрела на выбеленные надгробия и деревянные кресты на кладбище по соседству. Ее взгляд скользнул по толпе. Лорен шел рядом с матерью: оба с подруги с солнцем кожей и широко раскрытыми глазами. Лючия и ее братья шли впереди матери и отца. Мама Лючии тяжело дышала и старалась не отставать, хотя ей было тяжело из-за раздувшегося живота, в котором до поры прятался новый брат или сестра Лючии.

– Знаешь, я помню ее, – сказала Коринн Пьеру. – Помню маму.

– Правда? – с улыбкой спросил Пьер.

– Она заплетала волосы в толстые черные косы, и они спадали до середины спины.

– Как у тебя?

– Точно как у меня, – сказала Коринн с улыбкой. – И ее кожа была темно-коричневого цвета. Как земля.

– Как и твоя! – сказал Пьер.

– Да. И ее глаза были такими же большими и яркими, как солнце.

– Хм, и как ты все это помнишь?

– Ты же рассказывал мне о ней каждый день, папа! – ответила Коринн.

Смех Пьера смешался с шепотом волн, откатывающихся обратно в море. Пьер и Коринн ускорили шаг и вошли на церковный двор как раз в тот момент, когда закат накрыл окружающий мир вуалью оранжевого света.

– Оранжевая магия, – одновременно произнесли Коринн и ее отец.

– Любимое время дня твоей мамы, – прибавил Пьер, и его глаза наполнились слезами.

– Значит, мы как раз вовремя, – сказала Коринн.

Она сжала отцовскую ладонь и повела его мимо людей, уже прошедших на маленькое кладбище, зажигающих свечи и укладывающих цветы. В углу, около молодого деревца, стоял деревянный крест. Пьер провел пальцами по вырезанной на нем надписи.

НИКОЛЬ ЛА МЕР

ЛЮБИМАЯ ЖЕНА И МАТЬ

Дольше всего его пальцы лежали на слове «Николь».

Пьер сорвал с дерева белый апельсиновый цветок и воткнул его в волосы Коринн. От цветка все еще исходил сильный аромат, хотя он уже начинал складывать лепестки на ночь. Коринн вспомнила, как они хоронили маму в земле, будто семечко. Коринн тогда было четыре, и мама учила ее, как выращивать растения. На похоронах Коринн прошептала: «Через сколько она вырастет снова, папа?» Но выражение отцовского лица сказалось ей, что не все, положенное в землю, однажды прорастает и возвращается. Через год на могиле появилось маленькое апельсиновое дерево: оно цвело каждый год, но никак не могло сравниться с живой мамой.

Пьер вытащил несколько свечей из кармана и чиркнул спичкой. Пламя жадно облизывало низ каждой свечки. Когда воск подтаял, Пьер вдавил свечи в твердую землю над могилой и зажег их. Морской бриз заиграл с тонкими огоньками.

– Смотри, папа, – сказала Коринн, показывая на небо. – Как светлячки.

Пьер только мельком успел взглянуть на сотни мерцающих желтых огоньков, рассеянных над темным кладбищем, – как их свет затмил силуэт крупного мужчины.

– Сегодня духи являются в наш мир, мой друг, – сказал мужчина, хлопая Пьера по спине. Низкий голос грохотал среди надгробий.

– Хьюго! – с улыбкой сказал Пьер. – Как у тебя дела?

Хьюго кивнул:

– Всё в порядке.

Он хлопнул себя по плечу, и в воздух поднялось маленькое белое облачко муки. Хьюго был деревенским пекарем. Он всегда пах свежим хлебом, а под его ногтями постоянно застревало тесто. Даже щеки его со временем надулись, как свежая выпечка в духовке. Хьюго прикоснулся незажженной свечой к одной из свеч Пьера. Язычок стал ярче, затем раздвоился, когда Хьюго убрал свою свечку.

– Мертвые ходят по земле, малышка, – сказал он Коринн.
– Неужто тебе не страшно?

Она коснулась кулона мамы, улыбнулась отцу и покачала головой.

Хьюго рассмеялся, и гулкий смех разнесся по кладбищу, привлекая внимание всех посетителей к их маленькому углу. Хьюго потянул девочку за блестящую черную косу.

– Мертвых ты не боишься, а проиграть? Остальные уже начали собирать свой улов.

Коринн посмотрела, как другие дети подбирают застывшие капли воска. В эту игру они играли, пока взрослые ухаживали за могилами и общались друг с другом. Тот, кто к концу вечера скатывал самый большой шар, объявлялся победителем и мог вволю позлорадствовать вслух по дороге домой.

– У меня другая идея, – сказала она и потянулась к ближайшей свече. Пальцы ловко собрали дорожку мягкого воска, текущего сбоку.

– Не обожгись, Коринн! – предупредил Пьер.

Коринн побежала к другим детям, которые двигались промеж могил, снимая с них воск и скатывая его в шарик в ладонях. Старшие дети вроде Коринн знали, что брать стоит только мутно-белый. Младшие либо обжигали пальцы о прозрачный, только что расплавившийся горячий воск, либо ждали слишком долго и пытались отломить уже застывшие, твердые белые куски.

После обхода всех могил друзья Коринн покинули кладбище с сероватыми комками воска разного размера. Но не сама Коринн.

– Ты выиграла? – спросил папа.

– У меня нет шара.

Девочка вылепила из своего воска фигурку женщины с такими же длинными волосами, как и у нее. И показала ее отцу.

Он осторожно коснулся восковой фигурки.

– Ты все еще можешь выиграть. Здесь довольно много воска.

– Не думаю, – сказала Коринн. – И потом, так лучше.

Она посмотрела на своих друзей, Лючию и Лорена, которые держали в руках комковатые шарики воска размером больше их ладоней. Друзья взглянули на нее и ухмыльнулись. Коринн показала статуэтку и улыбнулась в ответ.

– Недостаточно большая, – сказал Лорен.

– Не больше, чем мой шар, – подтвердила Лючия.

Каждый сжимал в руках свой улов воска как приз, хотя победительницей объявили Лючию. Девочка вприпрыжку шла во главе процессии, хотя ей и приходилось все время притормаживать из-за матери.

Когда все вышли на дорогу, Пьер подошел к женщине, одиноко стоящей в тени.

– Вы заблудились? – спросил он незнакомку.

Женщина повернулась к нему и медленно покачала головой. Коринн едва могла разглядеть ее лицо, скрытое тьмой. В глазах, похожих на два озерца ртути, отражался свет луны.

Пьер колебался, как будто хотел сказать женщине что-то еще.

– Папа! – позвала Коринн отца, и он вернулся к ней. – Смотри, папа, – сказала девочка, подняв свою статуэтку в воздух: – Она светится.

Пьер улыбнулся:

– Должно быть, она волшебная... как и ты.

Коринн проследила за взглядом отца – он обернулся к тени, от которой только что отошел. Женщина исчезла. Девочка увидела лишь опустевшее кладбище.

3. Сестра

Когда голоса людей затихли вдаль, джамби выбралась из-под защиты теней и на четвереньках побрела между свежесобраных могил. Отблески от коротких мерцающих свечей плясали на ее голом теле, пока она обнюхивала каждый надгробный камень. Глаза отражали свет так, словно сами были свечами. Тонкие и узкие конечности напоминали ветки. Когда джамби двигалась, воздух с шуршанием скреб по ее телу.

Шуршание прекратилось, когда она добралась до могилы под апельсиновым деревом. Она почувствовала запах человека, который остановился, чтобы поговорить с ней. Пьер – так они его называли. И так же, как Пьер до того, она провела рукой по имени на деревянном кресте. Джамби не распознала его. Ее народ не пользовался такими знаками. Но что-то притягивало ее к запаху, который доносился сквозь гниль, древесные корни и жирную, полную червей землю. Чем-то похожим пахло от ребенка, который бежал через лес, – того самого, который сжимал в руках восковую фигурку, так похожую на ее сестру.

Она прошептала в землю – нежно, словно ветерок тронул листву:

– Это ты?

Ее язык – язык животных, растений, корней и других джамби – едва ли мог быть понят людьми.

– Ты так и не вернулась. Я так и не узнала, что с тобой случилось.

Слова остались без ответа. Только волны продолжали разбиваться о берег неподалеку.

– Ты бросила свою сестренку ради этого ребенка? Она выглядит так, словно прожила весь тот срок, сколько тебя не было с нами. Они убили тебя? Или ты умерла от горечи разлуки с нами?

Она прижалась щекой к земле и запела:

Сестра, что рождена со мной,
Гниешь теперь в земле сырой.
Тела смешались, с грязью кровь —
Уже не возродятся вновь.
Сестра моя, как человек,
Уснула под песком навек.
Где потеряешь – там найдешь:
Семью ты снова обретешь.

В груди джамби зародился низкий рокот. Он становился все громче и громче и закончился криком, пронзившим воздух. Жители окрестной деревни услышали его, но успокоили себя мыслью, что это всего лишь сова, вышедшая на охоту, – хотя ни одна сова, что им приходилось слышать, не издавала похожих звуков. По впалым щекам джамби потекли мутные слезы. Падая на землю, они тут же превращались в сороконожек, расползавшихся по могилам. Закончив плакать,

джамби поднялась и сказала:

– Тише, тише, сестра. Поглядим, сможем ли мы снова стать семьей.

По пенистой кромке прибоя джамби поползла вдоль берега – туда, где вода становилась спокойной и теплой. Там из глубины острова показывало свою пасть болото, разлившее свои склизкие воды промеж густого мангрового² леса. Джамби вошла в болото и по нему добралась до глинистого островка. На нем стояла старая покосившаяся лачуга, доски которой гнили и расползались, хотя ржавые гвозди изо всех сил старались удержать их на месте.

Джамби издала клич. Это был низкий гортанный звук, почти неотличимый от кваканья лягушки – или жабы из детской песенки, – если не считать того, что он пронзал воздух будто стрела. Ведьма, хозяйка крошечной лачуги, тут же услышала зов джамби, хоть и находилась в миле³ от своего дома. Она склонилась над делянкой белых грибов, намереваясь уловить магию, которая начиналась только через три часа после восхода луны. Ведьма отмахнулась от крика джамби, как от надоедливой комарихи, и продолжила свою работу.

Когда ведьма не ответила на зов, глаза джамби вспыхнули гневом. Она вломила в хижину и забрала несколько флакончиков, наполненных колдовским снадобьем. А затем, об-

² *Мангры* – леса, которые растут на затопляемых приливами территориях вблизи моря.

³ *Миля* – примерно полтора километра.

мотавшись длинным отрезом зеленой ткани, джамби вернулась к деревьям.

4. Базарный день

Дом утопал в запахе апельсинов. Папа Коринн осторожно потряс ее, чтобы разбудить.

– День настал, – сказал Пьер заспанной дочери. – Твои апельсины готовы к продаже.

Не открывая глаз, Коринн вдохнула поглубже.

– Да, я чувствую.

Коринн и Пьеру досталась лучшая земля на всем острове. Вот почему мама Коринн, Николь, выбрала для постройки дома это место близ леса. В их саду всегда было полно цветов, свежих фруктов и овощей. А сегодня наконец-то поспели апельсины.

– Ты повзрослела. Апельсины помогут тебе самостоятельно встать на ноги, и скоро ты уже позабудешь своего старого папу.

Коринн улыбнулась. Она прекрасно знала правила этой игры.

– Что же я буду делать без тебя, папа? – спросила она, глядя на него из-под густых ресниц. – Кто скажет мне, что океан слишком глубокий и огромен для того, чтобы плавать в одиночестве? Кто запретит мне лазать по деревьям и обдирать коленки? Кто отругает меня за то, что положила слишком много соли в рыбу?

Пьер засмеялся:

– Наверное, я все-таки тебе нужен.

Он поцеловал длинные тугие косички на голове дочки и погладил мягкую кожу тыльной стороной ладони.

– На рынке следи за кошельком, – предупредил он.

– А ты смотри, чтобы море тебя не проглотило, – откликнулась Коринн.

– Морская вода течет по моим венам, – заявил Пьер. – И даже если море меня проглотит, то обязательно выплюнет назад. Ты же знаешь, что такое море. Ничто не остается на дне навечно.

– Кроме дедушки, – возразила Коринн. – Море удерживает его.

– С дедушкой по-другому и быть не могло. Он – король рыбного народа, – сказал Пьер. – Поэтому в море ты всегда будешь в безопасности.

Коринн вдохнула прохладного утреннего воздуха с берега. Большинство рыбаков селились на побережье, а обитатели других раскиданных по острову деревень просто-напросто держались подальше от махагонового леса. Но Коринн и ее папа жили на холме, приютившемся на самой опушке, с которого можно было разом увидеть всю их рыбацкую деревеньку. Именно здесь, поближе к лесу, мама Коринн любила бывать больше всего. Здесь она выращивала растения. И здесь была счастлива.

Чернильная предрассветная тьма быстро скрыла бредущего к морю отца Коринн, так что девочка уже и не мог-

ла разглядеть его. После восхода море станет ярко-голубым сверху и зеленоватым внизу. Гребешки волн будут сверкать на солнце, превращая море в слепящее зеркало. Но папа Коринн привык к морю. Он вырос на нем. Дедушка тоже был рыбаком и большую часть дня проводил на лодке в компании сетей, как и его отец до него. Папа Коринн научил ее всему, что знал о море, но она не собиралась становиться рыбачкой. Девочка вдохнула аромат своих апельсинов. Она была очень похожа на маму. И принадлежала земле.

Когда Пьер спустился к своей лодке, Коринн упала обратно на подушку, думая о дедушке, плавающем среди рыб. Когда наконец девочка поднялась, солнце уже взошло, но едва пробивалось сквозь плотный слой облаков, накрывших остров. Из окна гостиной она смогла разглядеть ярко-желтую лодку своего отца, отражающую те слабые лучи света, что еще падали на побережье. Пьер выкрасил лодку в этот цвет, чтобы Коринн всегда легко могла разглядеть его из дома и знала, что он рядом.

Вместо обычной цветастой хлопковой юбки и белой блузы, какие носили почти все девушки на острове, Коринн надела старую отцовскую одежду. Она туго подвязала штаны веревкой на талии, закатала их до лодыжек, а рукава рубашки – до запястий. Довольная тем, что выглядит взрослой и деловой, Коринн отправилась выбирать лучшие апельсины на продажу. Их сад наполнился фруктами и овощами, большую часть которых мама Коринн посадила еще до рождения де-

вочки. Гуава и померак⁴, перец и томаты, маниока⁵, дашин⁶ и лук, аккуратно высаженный по периметру сада, а в центре – апельсиновое дерево. Коринн вспомнила, как мама накрывала ее руку своей и они вместе вдавливали семечко в землю. Она помнила, как смотрела на росток, когда он показался из почвы и первые листья потянулись к солнцу. Маленькое деревце росло вместе с ней, но вскоре стало гораздо выше. Теперь оно переросло даже отца Коринн.

Работая в саду, девочка вспоминала маленькое белое апельсиновое семечко в руках мамы. Мать сказала ей, что семя – волшебное. *Если ты позаботишься о нем, оно позаботится о тебе*, сказала она Коринн, когда учила ее, как глубоко зарывать семя и сколько ему давать воды. Пьер пересказывал ей все, что говорила мама, но Коринн так и не смогла вспомнить звук ее голоса. Когда она думала о ней, то слышала лишь шум ветра в листве. Этим утром Коринн почти ощущала прикосновение рук матери к своим и чувствовала древесный запах, исходивший от ее кожи. *Семя – это обещание, Коринн, залог. Посади его и смотри, как оно растет.*

Когда корзина Коринн наполнилась, она перевязала свои

⁴ Померак, или розовое яблоко, – тропическое дерево рода сизигиум с ярко-розовыми цветами и сладкими плодами.

⁵ Маниока, или кассава, – растение со съедобными клубнями, из которых делают муку.

⁶ Дашин, или таро, – растение рода колоказия со съедобными клубнями, побегами и листьями.

длинные косы пестрым куском ткани, а другим обернула ручки корзины, чтобы они не натерли ей руки по дороге на базар. Девочка спустилась по пыльной тропинке к главной дороге и зашагала вдоль опушки леса. Розовые и красные гибискусы⁷ подставляли свои лепестки солнцу, пчелы заглядывали внутрь их цветков и собирали пыльцу. Когда девочка остановилась, чтобы поменять руку, у ее корзины на миг зависла колибри. Казалось, она впивала аромат апельсинов, а затем исчезла. Уже становилось жарко. Чем дальше Коринн уходила от моря, тем слабее делался бриз. К тому времени, когда она добралась до высохшего колодца, крики чаек и шепот волн превратились в щебетание птиц и шорох зверьков, пробегающих сквозь кусты по краям дороги. За следующим колодцем – полным – и парой домов на окраине деревни шумел рынок. Воздух наполняли гул голосов торгующихся людей, крики куриц, коз и свиней. Налетели запахи: специй, спелых фруктов и крепкого кофе. Коринн не колебалась ни секунды: войдя на базар, она тут же заняла место в толпе. Размотав ткань с рук, девочка расстелила ее на земле и начала раскладывать апельсины пирамидками по пять штук.

⁷ *Гибискус* – кустарник с крупными яркими цветами. Один из видов гибискуса используют для изготовления напитка каркаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.